

УДК 13

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.052

Труд и досуг в этноцентристских системах

Сергеева Юнона Анатольевна

Аспирант,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: junona1987@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется попытка П. Кластера дать объяснение причинам, по которым, несмотря на небывалое развитие науки и технологий, постиндустриальное общество не приблизилось к обществу досуга. Свои теоретические выводы Кластер основывает на эмпирических данных, полученных в ходе многолетних наблюдений за жизнью и бытом нескольких южноафриканских племен индейцев. В этой связи интересно сходство его выводов с теми, к которым пришла виднейший теоретик политики XX века Х. Арендт, исследуя историю Древнего мира. В качестве примера социального движения в направлении досуга вопреки выводам, сделанным П. Кластером, рассматривается дауншифтинг, поддержанный значительной долей населения во многих развитых странах. Автор отмечает, что огромный исследовательский интерес вызывает сама возможность формирования внутрикапиталистической системы инакомыслящего мировоззрения, сознательно противопоставляющего себя ее общепризнанным ценностям. То, что множество дауншифтеров со всего мира, начиная новую жизнь, переезжают в страны третьего мира, с одной стороны, объясняется дешевизной жизни в них и возможностью существовать на ренту, получаемую со сдачи недвижимости в европейских мегаполисах, но, с другой стороны, еще раз наводит на мысль о том, что отдельным европейцам оказывается ближе менталитет «дикаря», предпочитающего работе по принуждению отдых в гамаке и самое необходимое для поддержания жизни.

Для цитирования в научных исследованиях

Сергеева Ю.А. Труд и досуг в этноцентристских системах // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 6А. С. 195-203. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.052

Ключевые слова

Труд, общество досуга, власть, государство, П. Кластер, Х. Арендт, дауншифтинг.

Введение

Одной из ключевых повседневных практик человека является труд, от которого в той или иной степени человеческая жизнь зависела веками. Несмотря на это, значение и роль труда в жизни человека и общества не статичны, но постоянно переосмысливаются и претерпевают изменения. Даже самый поверхностный анализ истории понятия иллюстрирует изменчивость и непостоянство в отношении человека и общества к труду (от восприятия труда в эпоху Средневековья в качестве наказания и проклятия человека, совершившего «грехопадение», к утверждению его в качестве главного основания человеческого достоинства и помощника в деле «спасения души» и до феномена *отчуждения труда* от человека и его обезличивания с началом индустриальной эпохи и массового производства товаров в XIX-XX веках).

В XX веке повсюду слышались прогнозы относительно того, что прогресс технологий освободит человека, существенно сократив его нагрузку, приблизит человечество к «обществу досуга». Несмотря на это, с одной стороны, работающий человек сегодня занят как никогда, причем, как отмечают некоторые современные исследователи, все чаще совершенно бесполезным и бюрократизированным трудом¹, отказаться от которого нет возможности². С другой стороны, наблюдается дестабилизация трудовых отношений в среде самых разных социальных слоев общества (студенты, пенсионеры, фрилансеры, частично занятые, контрактники и т.д.), объединенных неустойчивым социальным положением, нестабильным доходом и в некотором смысле являющихся экономически бесполезными. Это явление получило название *прекаризации*, а тех, кого она затронула, некоторые исследователи выделяют даже в отдельный класс – *прекариат*³. Множество современных исследователей (Ф. Парейс, Г. Стэндинг, Д. Грэбер и др.) предлагают введение безусловного базового (основного) дохода (БОД)⁴ в качестве одного из средств снижения уровня бюрократизации и бессмысленного времяпровождения в офисе (наряду с его основным призванием снизить уровень бедности, частично решить вопрос растущей безработицы в связи с вытеснением человеческого труда машинным и др.) В результате, по их убеждению, наше общество смогло бы сделать шаг в сторону «общества досуга», где свободное от работы время перераспределяется на отдых, саморазвитие, семью и другие области жизни человека. В то же время другие исследователи остаются скептически настроенными к самой попытке найти решение в существующей политико-экономической системе.

Можно ли, анализируя такие понятия, как человеческий труд и досуг, дифференцировать в них объективное и относительное, определить границы труда как фундаментальной жизненной

¹ Феномену *бестолковых работ* посвящена одноименная книга американского антрополога Д. Грэбера [Арендт, 2014].

² Например, по мнению калифорнийского профессора социологии Т. Кандо, автоматизация, кибернетизация, рост богатства могли привести к обществу досуга, но не привели. Причиной тому два обстоятельства: во-первых, ценностная система общества поощряет труд, во-вторых, экономическая структура общества требует дорогостоящего массового потребления товаров, услуг и массового отдыха, а не свободу при осуществлении досуговой деятельности [Бутонова, 2012].

³ Феномен прекариата и прекаризации трудовых отношений подробно описан в книге британского экономиста Г. Стэндинга [Саллинз, www], а также в статьях современного немецкого социолога и политолога К. Дёре [Стэндинг, 2014].

⁴ Например, среди активных сторонников концепции БОД – американский антрополог Д. Грэбер, бельгийский философ Ф. В. Парийс и британский экономист Г. Стэндинг. Последние два также являются основателями организации Всемирной сети базового дохода (BIEN, 1986)

ситуации человека, составной части его экзистенции, от культурной надстройки, являющейся переменной и зависящей от его положения в этноцентристских системах? В рамках данного вопроса предлагается осуществить деконструкцию традиционного европоцентристского подхода к труду, проанализировав принципиально иной опыт, полученный французским антропологом и этнологом П. Кластром в ходе многолетнего исследования уклада жизни нескольких индейских племен в Парагвае и Бразилии (гуаяки, гуарани, чулуни, яномами и гарани). Рассмотрим выводы, к которым он пришел в своей книге «Общество против государства» [Breakspear, www, 27-47], полагая, что, оставаясь в рамках существующей системы политэкономии, у стран, принадлежащих к европейской культуре, нет возможности существенно изменить сложившийся порядок вещей.

Общество накопления излишков и общество досуга

Кластр, подолгу живя в нескольких индейских племенах в Парагвае и Бразилии, прекрасно исследовал их уклад жизни. Резюмируя его исследование развития обществ, которые мы называем «примитивными» ввиду отсутствия у них государства (в отличие от, например, европейцев или южноамериканских индейцев языковой группы кечуа, основавших государство инков), можно сказать, что автор пришел к следующим важным выводам. В первую очередь, выступая против любого этноцентризма, Кластр критикует европоцентристский взгляд на общества без государства как на «примитивные», поскольку это оценочное суждение, подразумевающее отсутствие чего-то нужного в глазах европейца, но, вполне возможно, совершенно бесполезного для представителя другой равноправной культуры: «<...> примитивные общества – не отставшие в развитии эмбрионы позднейших обществ, они не находятся на той исходной точке исторической логики, которая приведет каким-то образом к уже заранее известному результату, который в действительности оказывается репрезентацией нашей собственной социальной системы» [Breakspear, www, 27].

Кластр предлагает в принципе отказаться от рассмотрения истории как универсального процесса, имеющего единое направление и состоящего из одних и тех же этапов, для того чтобы построить антропологическое или социологическое исследования по всем правилам науки, настолько объективно, насколько это возможно.

Существует предубеждение, что индеец ленив. Когда первые европейцы причалили к берегам Южной Америки, они были удивлены тому, что взрослые здоровые мужчины во многих индейских племенах вместо того, чтобы трудиться в поте лица, покуривают трубку в своих гамаках. Их тип экономики получил название «натурального хозяйства». Это русский эквивалент английского понятия «subsistence economy», буквально переводимого как «экономика выживания». Перевод с английского еще лучше передает смысл, вкладываемый в данное словосочетание человеком с европейским менталитетом: якобы индейцам приходилось работать больше в условиях отсутствия технического прогресса и высокотехнологичных орудий труда, чтобы только достичь прожиточного минимума. Кластр выступает категорически против такого очередного оценочного суждения, приводя факты и результаты наблюдений, в соответствии с которыми индейские племена в действительности посвящали работе совсем мало времени в сравнении с европейцами. Например, индейцы Тупи-Гуарани по 4-6 лет подряд использовали один сад, а затем переходили на новый, чтобы дать отдохнуть земле. Перейдя на новое место, мужчины племени мобилизовались на 1-2 месяца работы, чтобы обработать земли с помощью каменного топора и огня. Следующие же 4-6 лет мужчины больше не занимались сельским хозяйством (сеяли и собирали урожай женщины в рамках их традиции распределения

обязанностей). Вместо этого они охотились, рыбачили, веселились, пили и воевали, то есть занимались всем тем, что не воспринимается в качестве работы. Индейцы работали ровно столько, сколько было нужно для поддержания жизни, чтобы не голодать и хорошо себя чувствовать. И здесь Кластр приходит, пожалуй, к одному из своих самых революционных открытий, обнаружив ключевую отличительную черту зародившейся в Европе рыночной экономики, заключающуюся в стремлении европейцев к накоплению излишков. У множества других народов, далеко не примитивных, такой потребности не возникло, не потому что у них было недостаточно времени на производство излишков, а потому что ничто не могло их заставить работать сверх того, что было необходимо для удовлетворения нужд их группы. Таким образом, «экономикой выживания» их уклад жизни можно назвать только лишь в том смысле, что это был их совершенно сознательный выбор. Работая максимум несколько часов в день, индейцы обладали достаточным количеством времени, чтобы преумножить производство материальных благ, но у них не было нужды копить излишки⁵. Вместо этого свое свободное время индейцы тратили на отдых, игру, войну или праздник. Ж. Лизо⁶ назвал племя Яномамо обществом отказа от работы: «Презрение Яномамо к работе и равнодушие к автономному технологическому прогрессу бесспорно» [Clastres, 1989, 137], а известнейший американский антрополог М. Саллинз называл примитивные общества первыми обществами досуга и изобилия [Dörre, 2007, 17-53]. Вывести людей из такого состояния и отношения к труду могло только внешнее принуждение, что и постигло большинство индейских племен после прибытия европейцев на их земли.

Ничто не могло принудить примитивные общества к отчуждению своего времени для бесцельной работы, так как излишки их не интересовали: зачем богатство в обществе, где нет эксплуатации и все равны? Но что же тогда однажды заставило европейцев заменить стремление к досугу стремлением к накоплению и начать отчуждать свой труд? Кластр дает следующий ответ: «<...> эта сила, без которой дикари бы никогда не отказались от праздности, сила, которая уничтожает общество в той мере, в которой оно является примитивным – это сила подчинения; это способность принуждать, политическая власть. Антропология здесь перестает быть экономической, она, в некотором смысле, теряет свой объект в тот момент, когда думает, что схватила его, и экономика становится политэкономией. Политические отношения власти предшествуют и определяют экономические отношения эксплуатации, экономика – это ответвление от политики; появление государства предопределяет возникновение классов» [Breakspear, www, 37].

Государство возникает из насилия, с разделения общества на хозяев и слуг, угнетающих и угнетаемых, с феномена власти в ее современном понимании, возникает государство и труд не ради своей жизни, но с целью обустройства жизни других. Совсем иначе формировалось политическое измерение в примитивных обществах.

Наблюдая за укладом жизни индейских племен, Кластр констатировал, что вождь племени не был наделен властью в понимании европейской политической теории. Вождь не мог принуждать своих соплеменников к чему-либо или применять насилие, его инструментарий ограничивается красноречием, ораторским навыкам и способностью убеждать. Благодаря

⁵ В то же время П. Кластр пишет о том, что у исследуемых племен все же были излишки, у них всегда было все необходимое на случай войны, праздника и т.п. [Breakspear, 2004, 42]

⁶ Жак Лизо (род. 1938) – французский антрополог, ученик Клода Леви-Стросса, проводивший в рамках своего антропологического исследования более 20 лет среди индейского племени Яномамо и выучивший их язык.

своему умению примирить людей, убедить их решить спор без применения насилия, из-за своей способности координировать военные действия племени и охотиться вождь заслуживает уважение и почет. Но его «власть», суть которой лучше всего передает значение, вкладываемое нами в понятие «авторитета», не закреплена ни сословием, ни чем-либо еще: «слово вождя не имеет силы закона» [Breakspear, www, 31], и при любой попытке использовать общество как инструмент для своих личных целей, вождь может безвозвратно потерять свои власть и авторитет. Вождь находится на службе у племени, а не наоборот: он ведет те войны, которые хочет племя, и если племя не хочет войны, то он не только не сможет мобилизовать соплеменников, но и потеряет свой авторитет в их глазах, пытаясь это сделать против их воли. Таким образом, в среде «первобытных» обществ вождь является первым среди равных, он не наделен властью в европейском значении (предполагающем особые права приказывать, карать и эксплуатировать), поэтому общество не разделяется на классы и не возникает государство.

Понятие власти в политической философии Х. Арндт

Такое понимание власти, к которому Кластр пришел в своих антропологических исследованиях индейских племен Парагвая и Бразилии, неожиданно близко к тому значению, которое вкладывала в понятие власти виднейший теоретик политики XX века Х. Арндт⁷, считавшая его подлинным, но утраченным в ходе формирования европейской политической мысли. Так, в своей работе «О революции» [Graeber, 2018, 52-66] Арндт говорит, что исконное представление о власти не основано на отношениях приказа и повиновения, наоборот, там, где есть принуждение или насилие, там исчезает власть и сопутствующий ей авторитет. «Власть и насилие противоположны; абсолютное владычество одного из членов этой пары означает отсутствие другого. Насилие появляется там, где власть оказывается под угрозой [Graeber, 2018, 66].

Власть возникает в сплоченном действии людей, вдохновляемых одной целью: в таких обстоятельствах лидером оказывается тот, кто способен координировать коллективную деятельность и воплощать групповые намерения, и по мере успеха или поражения на этом поприще растет или исчезает его авторитет.

«Власть соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе. Когда мы говорим о ком-то, что он находится "у власти", мы на самом деле говорим, что некоторое число людей облекло его властью действовать от их имени. В тот момент, когда группа, от которой первоначально произошла эта власть, исчезает, исчезает и "его власть"» [Graeber, 2018, 52].

Достаточно внимательно изучить вторую главу книги, чтобы поразиться тому, что Арндт удалось теоретизировать опыт Кластра, о котором она ничего не знала. Пример в истории для иллюстрации своих теоретических моделей в отношении исконного понимания власти Арндт находит не в современном ей обществе (в нем она замечает лишь неудачные попытки, такие как, например, «Пражская весна»), но в далеком прошлом, а именно в городе-государстве Афинах, осуществляющих свою демократию по принципам «исономии» и «исополитии», а также среди римлян, называющих свою форму правления *civitas*. Такой ретроспективный подход часто подвергается критике как попытка найти в истории эпизод, когда бы реализовались на практике

⁷ Х. Арндт (1906 – 1975) – немецко-американский философ, политический теоретик и историк.

утопические взгляды Арендт. Остается только сожалеть о том, что Арендт не узнала об опыте Кластра и Лизо (она умерла через год с момента первой публикации Кластра результатов своих исследований в 1973 году), а также о том, что, по всей видимости, и большинство критиков Арендт не познакомились с данными исследованиями. Вероятно, Арендт обладала уникальной интуицией, проявившей себя в ее политической теории.

С другой стороны, сделанные Кластром и Арендт схожие выводы частично страдают от их же собственной критики: например, Кластр, предлагая в начале своей книги отказаться от какого-либо этноцентризма и выступая против рассмотрения истории как последовательного логичного процесса с целью безоценочно подойти к опыту индейцев, сам тут же предписывает европейским народам обязательное «примитивное» прошлое, которое было некогда «к несчастью» преодолено. «Первобытные общества – это общества без государства, потому что в них государство является невозможным. Однако все цивилизованные народы сначала были дикими: в чем причина того, что государство перестало быть невозможным? Почему люди перестали быть дикими? Какое удивительное событие, какая революция позволили появиться образу Деспота, отдающего приказы подчинённым? Где возникает политическая власть?» [Breakspear, www, 45].

Точно также и Арендт искала «аутентичный» опыт политического в истории, и ее поиски могут рассматриваться как попытка обнаружить точку отчета, когда одна политическая реальность сменилась другой, когда понятие власти как авторитета было вытеснено понятием власти как насилия и принуждения, когда на смену «примитивных» обществ всеобщего досуга на территории Европы пришло общество эффективности, накопления излишков и принуждения. Такие допущения возможны лишь в рамках взгляда на историю как на единый процесс, регрессивный или прогрессивный, в зависимости от того, с какой точки: европейской или «примитивной» на него посмотреть. Выйдя за рамки такого оценочного взгляда, следовало бы скорее предположить, что европейцу может быть в принципе незнакомо политическое измерение индейских племен, и наоборот, их, может быть, не объединяет ни общее «аутентичное» историческое начало, ни единый «логический» вектор развития истории.

Кластр убежден, что никакие локальные попытки европейского общества сделать шаг в сторону «общества досуга» или «жизни ради себя» (такие как, например, идея введения безусловного базового дохода) не смогут глобально изменить зависимость человека от труда с тенденцией в сторону замещения им всех остальных областей своей жизни постольку, поскольку, оставаясь в рамках существующей политэкономии и рыночной экономики, краеугольным камнем которой является принуждение к труду и накопление излишков, человек обречен быть частью сложившейся системы, идентифицировать себя с ней, воспринимать ее в качестве «реальной», «объективной» картины мира и выстраивать свою жизнь, исходя из ее предпосылок. Для того, чтобы стать обществом досуга, нужно сначала перестать быть обществом эффективности, сверхпотребления и накопления излишков.

Дауншифтинг

В связи с выводами Кластра в отношении невозможности внутри сложившейся капиталистической системы, опирающейся на принуждение к труду, отказаться от него, особенно интересным является внушительный по своим масштабам и географии распространения феномен дауншифтинга, то есть осознанного отказа от полной занятости с ее преимуществами в виде стабильного, часто высокого дохода и карьерных перспектив в пользу сокращения уровня дохода с последующим высвобождением времени, которое расходуется на

отдых, творчество, семью, поиск собственного «Я» и созерцание. «Одной из отличительных черт дауншифтинга является не просто "движение вниз" (дословный перевод с английского – *Ю.С.*), а "скатывание" с уже завоеванных достаточно высоких позиций [Kando, 1980].

Эта тенденция сознательного отказа от карьеры во многих развитых странах (в первую очередь, в США, Великобритании, Австралии и Франции) набирает реальные обороты: «согласно исследованиям, проведенным в 2003 году Australia institute, 23 процента австралийцев в возрасте от 30 до 59 лет сознательно пошли на понижение своего материального уровня жизни» [Lizot, 1973]. В нашей стране процент дауншифтеров еще не так велик, но все больше людей задумываются о кардинальных изменениях в своей жизни, о чем свидетельствует, например, появление одноименных интернет-сообществ в социальных сетях. Получается, что многим людям действительно удается сегодня сделать «шаг назад» (или вперед) в сторону времени и жизни для себя, сознательно отказаться от карьеры, 8-часового рабочего дня, офисной работы, погони за излишками, организованного досуга в виде современных торговых центров, устроенных по принципу «город в городе», или других специально отведенных мест для развлечений и интенсивного потребления стихийно сменяющихся новомодных продуктов, без которых можно было бы прекрасно обойтись и сэкономить время на их производство.

Заключение

Понятие труда не существует само по себе, но является продуктом познающего субъекта, фундированного в социально-исторический и культурный контекст той или иной эндоцентрической системы. Общество, политика, культура влияют на процесс научного познания и результаты научных исследований (STS, ANT), социально-исторический контекст индивида определяет принимаемое им в качестве «объективного» знание о мире и «реальности» (социология знания), и те же факторы конструируют понимание места и значения труда в жизни человека и общества и обуславливают отношение к нему.

В то же время, несмотря на убедительность и обоснованность гипотезы П. Кластера в отношении невозможности индивида противостоять системе, являющейся его средой обитания и основывающейся на власти и принуждении к эффективному труду ради извлечения выгоды, накопления излишков и чрезмерного потребления, нельзя не заметить сходство поисков таких социальных групп, как дауншифтеры, с предпочтениями «примитивных» обществ с их экономикой выживания или натуральным хозяйством. С другой стороны, говоря о процессе сознательной «примитивизации» некоторой части индивидов в развитых европейских странах, нужно иметь в виду, что сама возможность «переключиться на пониженную» передачу и замедлить ритм жизни в большой степени сложилась именно благодаря плодам европейской цивилизации с ее рыночной экономикой и ориентацией на эффективность и обогащение, к которым можно отнести сравнительно высокий и доступный уровень медицины в европейских странах, доступность образования, которое можно все чаще получать онлайн, не выходя из дома, включенность в мировую сеть Интернет, позволившую следить за любыми информационными потоками и быть «в тренде» независимо от своего местонахождения.

И все же огромный исследовательский интерес вызывает сама возможность формирования внутрикапиталистической системы инакомыслящего мировоззрения, сознательно противопоставляющего себя ее общепризнанным ценностям. И то, что множество дауншифтеров со всего мира, начиная новую жизнь, переезжают в страны третьего мира, с одной стороны, объясняется дешевизной жизни в них и возможностью существовать на ренту,

получаемую со сдачи недвижимости в европейских мегаполисах, но, с другой стороны, еще раз наводит на мысль о том, что отдельным европейцам оказывается ближе менталитет «дикаря», предпочитающего работе по принуждению отдых в гамаке и самое необходимое для поддержания жизни.

Библиография

1. Арндт Х. О насилии / пер. с англ. Г.М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
2. Бутонова Н.В. Досуговые практики в современной культуре // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosugovye-praktiki-v-sovremennoy-kulture>
3. Саллинз М. Экономика каменного века. URL: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Sahlins_Stone_age_economics.pdf
4. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
5. Breakspear C., Hamilton C. Getting a life: understanding the downshifting phenomenon in Australia // The Australian Institute Journal, Discussion paper. 2004. No. 62. February. ANU, Canberra, Australia. URL: https://www.tai.org.au/sites/default/files/DP62_8.pdf
6. Clastres P. Society Against the State: Essays in Political Anthropology. New York: Zone Book, 1989. 226 p.
7. Dörre K. Entsteht eine neue Unterschicht? Anmerkungen zur Rückkehr der sozialen Frage in die Politik // Sozialwissenschaftlicher Fachinformationsdienst soFid, Industrie und Betriebssoziologie. 2007. No. 1. P. 11-27. URL: <https://nbnresolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-202254>
8. Graeber D. Bullshit jobs, Simon & Schuster. New York, NY, 2018. 340 p.
9. Kando Th. Leisure and Popular Culture in Transition. St. Louis, Mosby, 1980. 343 p.
10. Lizot J. Economie ou société? Quelques thèmes à propos de l'étude d'une communauté d'Amérindiens // Journal de la Société des américanistes. 1973. No. 9. P. 131-175.

Labour and leisure in ethnocentric systems

Yunona A. Sergeeva

Postgraduate,
Russian State Humanitarian University,
125993, 6 Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: junona1987@mail.ru

Abstract

The article analyzes the attempt of P. Clastres to explain the reasons why, despite the unprecedented development of science and technology, the post-industrial society has not become closer to the leisure society. P. Clastres based his theoretical findings on empirical evidence, which were collected during his long-term watching everyday life of several South-American Indian tribes. In this connection, the similarity of his conclusions with those to which the most prominent 20th century political theoretician H. Arendt came to, studying the history of the Ancient World, is interesting. Contrary to the conclusions made by P. Clastres, downshifting, supported by a significant share of the population in many developed countries, is considered as an example of a social movement in the direction of leisure. The author notes that the very possibility of forming an intra-capitalist system of a different worldview, which consciously contrasts itself with its universally recognized values, is of great research interest. The fact that many downshifter from all over the world, starting a new life, move to third world countries, on the one hand, is explained by the cheapness of life in them and the ability to live on rent received from renting real estate in European

cities, but, on the other hand, it once again suggests that the Europeans find themselves closer to the mentality of the "savage", who prefers rest in a hammock and the most necessary to support life.

For citation

Sergeeva Yu.A. (2019) Trud i dosug v etnotsentriststikh sistemakh [Labour and leisure in ethnocentric systems]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (6A), pp. 195-203. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.052

Keywords

Labour, leisure society, authority, state, P. Clastres, H. Arendt, downshifting.

References

1. Arendt H. (2014) *O nasilii* [On violence], trans. from English by G. Dashevsky. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.
2. Breakspear C., Hamilton C. (2004) Getting a life: understanding the downshifting phenomenon in Australia. *The Australian Institute Journal, Discussion paper*, 62. February. ANU, Canberra, Australia. Available at: https://www.tai.org.au/sites/default/files/DP62_8.pdf [Accessed 07/07/2019].
3. Butonova N.V. (2012) Dosugovye praktiki v sovremennoi kul'ture [Leisure practices in modern culture]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University], 1, pp. 201-210. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosugovye-praktiki-v-sovremennoy-kulture> [Accessed 25/08/2019].
4. Clastres P. (1989) *Society Against the State: Essays in Political Anthropology*. New York: Zone Book.
5. Dörre K. (2007) Entsteht eine neue Unterschicht? Anmerkungen zur Rückkehr der sozialen Frage in die Politik. *Sozialwissenschaftlicher Fachinformationsdienst soFid, Industrie und Betriebssoziologie*, 1, pp. 11-27. Available at: <https://nbnresolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-202254> [Accessed 25/08/2019].
6. Graeber D. (2018) *Bullshit jobs*, Simon & Schuster. New York, NY.
7. Kando Th. (1980) *Leisure and Popular Culture in Transition*. St. Louis, Mosby.
8. Lizot J. (1973) Economie ou société? Quelques thèmes à propos de l'étude d'une communauté d'Amérindiens. *Journal de la Société des américanistes*, 9, pp. 131-175.
9. Sallinz M. *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics]. Available at: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Sahlins_Stone_age_economics.pdf [Accessed 07/07/2019].
10. Standing G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The precariat: the new dangerous class]. Moscow: Ad Marginem Press.